

ЭТИ СТРОКИ написаны Хуршид ханум Каджар (Нахичеванская) родилась в 1894 году в городе Нахичевани. Вокальное образование получила в Московской консерватории (с 1915 по 1919 г.) в классе знаменитого маэстро, профессора Умберто Мазетти. Обладая лирическим сопрано, Хуршид ханум с 1919 года работала на московской сцене, участвуя во многих концертах, как в самой Москве, так и на периферии.

По приглашению Наркомпроса Азербайджана, в 1924 году Хуршид ханум приехала в Баку и, поступив в Государственный оперный театр, стала одной из первых артисток азербайджанок наряду с Шовкет-ханум Мамедовой.

На протяжении десяти лет Хуршид ханум почти беспрерывно исполняла главные роли в ряде опер и музыкальных комедий Узеира Гаджибекова и Муслима Магомаева. Хуршид ханум в опере «Шах Аббас», Гюльчохры и Аси в «Аршин мал алан», Гюльназ в «Не та, так эта» и Гюльназ в опере «Шах Исмаил».

Работая в театре, она часто выступала с концертами перед рабочими и служащими в клубах и дворцах культуры. В неоднократных положительных рецензиях, отзывах прессы о выступлениях Хуршид ханум особо отмечалось, что чисто восточные мотивы в операх азербайджанских композиторов впервые исполнялись артисткой с европейски поставленным голосом.

«Уважаемая Хуршид. Очень хотел бы знать, что предпринимаете на лето: где думаете отдыхать? Может быть, встретимся. Я с удовольствием на свободе помучился с Вами. У Вас такой чудесный голос и Вы так умеете работать. Право, напишите. Целую Вашу руку.

Александр Михайлович Брагин. Киев, март 1927 г.»

Да, действительно, она умела быть требовательной к себе. И требовать с других. Немая заслуга Хуршид ханум в подготовке молодых кадров для азербайджанской оперы. Созданная ею в 1935 году оперная студия при театре подготовила ряд певцов. Позднее некоторые из них — Идрис Агаларов, Эльмира Ахундова и Агабаба Буниятзаде — стали любимыми артистами республики.

По инициативе Хуршид ханум в Баку в 1934 году было организовано нотное — музыкальное издательство. Под ее руководством было издано много вокальных и инструментальных произведений азербайджанских и других композиторов, ашугские песни, первый учебник тара. Все это явилось ценным вкладом в музыкальную литературу Азербайджана. В ознаменование 1000-летия Фирдоуси было выпущено специальное юбилейное издание вокальных произведений его эпохи.

Впервые в истории азербайджанской музыки, в 1936 году под руководством Хуршид ханум были записаны и переложены на ноты отдельные образцы азербайджанской национальной музыки — мугамы. К этой работе, начатой по поручению товарища Рухуллы Ахундова (начальника Управления по делам искусств), были привлечены Тофик Кулиев и Закир Багиров, в то время еще студенты Московской консерватории, а также знаток народной музыки тарист М. Мансуров. Мугамы исполнялись на народных инструментах (тар, кяманча и др.) или певцами-импровизаторами. Азербайджанские композиторы вводили мугам в оперу, но и певец и инструменталист в оркестре импровизировали по собственному усмотрению. Мугам не был зафиксирован в европейском нотописании, если не считать небольших отрывков.

Записанные и переложенные на ноты мугамы — «Дюгях», «Раст» и «Сейгях-Забил» с большим успехом были прослушаны в оперном театре 10 августа 1936 года и получили высокую оценку присутствовавших на концерте руководителей партийных и советских органов, музыкальной общественности. В постановлении пра-

вительства (от 16 августа 1936 года) отмечено, что переложение на ноты и издание мугамов явилось ценным вкладом в дело освоения классического музыкального наследия и создания тесной органической связи между музыкальными культурами народов СССР.

В своей статье «Большая культурная победа» Узеир Гаджибеков писал: «Этой записью совершен большой переворот в музыкальной жизни Азербайджана. Ценные музыкальные материалы — мугамы напомнили собой забытый памятник старины. Записью их на ноты оказана огромная услуга музыкальному искусству Азербайджана».

Благотворное влияние на развитие вокального и сценического мастерства Хуршид ханум оказало ее личное знакомство с прославленными певцами — Неждановой, Барсовой, Собиновым, Пироговым и дирижерами Головановым, Штейнбергом и профессором Сперанским.

В марте 1925 года на гастроли в Баку приехали народные артисты СССР певица Антонина Васильевна Нежданова и крупнейший оперный и симфонический дирижер, профес-

сор Николай Семенович Голованов. Они остановились у Хуршид ханум. Внимание Голованова привлекли стихи Хуршид ханум. Некоторые из них он взял с собой в Москву. После их отъезда Хуршид ханум получила от них любопытное письмо: «Дорогая Принцесса! Позвольте выразить Вам нашу глубокую и искреннюю благодарность за Ваше милое гостеприимство и то радушие и уют, которыми Вы нас окружали за все время нашего пребывания в Баку.

Еще раз от всей души благодарим Вас за Ваше исключительное добро к нам отношение и чисто русское гостеприимство, и выразить надежду, что Вы по приезде в Москву обязательно остановитесь у нас.

В суетливой жизни бакинских минут я по собственной, исключительно свойственной мне, рассеянности, совершенно случайно увез Вашу наволочку,

Из истории искусства

ИСКАТЕЛЬНИЦА ЖЕМЧУГА

которую пришло Вам из Москвы вместе со своим романсом на Ваши прелестные слова. Целую Ваши ручки.

Преданный Николай Голованов.

Целую крепко дорогую Принцессу. Твоя Нежданова

Ростов-Дон, 5 апреля 1925 г.»

Хуршид ханум обладала даром увлекать своей кипучей творческой энергией певцов, дирижеров, композиторов, многие из них становились ее близкими друзьями, активно помогали в работе. Вот несколько писем, адресованных ей:

«Милая подружка, только сейчас опомнилась и могу писать. Не успела приехать, как попала в укасную работу — и спектакли, и репетиции, и концерты. Выжужу заключение, что необходимо на некоторое время испариться из Москвы.

Встретили меня так горячо, как будто я год отсутствовала. Вчера провела премьеру новой оперы «Иван-солдат» в новой постановке, имела успех,

хотя партия неинтересная и вообще опера музыкальной ценности не представляет... Театральная жизнь кипит, масса новых постановок. Буду обо всем писать. Еще только, только начинаю приходить в себя. Как мне недостает вас, мои дорогие, и как мне досадно, что вы сидите в Баку, так далеко от меня» (6 апреля 1927 г. письмо народной артистки СССР Валерии Владимировны Барсовой).

«Глубокоуважаемая, дорогая, любимая Хуршид ханум!

С Вашим отъездом наше маленькое гнездышко осиротело, — не проходит дня, чтобы мы не вспоминали о Вас, милой, ласковой, доброй... Мусенька (жена) очень скучает, и так обрадовалась, когда Николай Николаевич (Ваш супруг) сказал, что в августе возможен Ваш приезд в Москву: для нее это будет настоящим праздником. Я работу кончил 8 июля — в качестве члена жюри Всесоюзной Олимпиады самодеятельности Промкооперации; Азербайджанский ансамбль показал себя отлично (руководитель Н. Рапполов). Будем счастливы видеть Вас. Приветай глубокоуважаемому Узеиру Гаджибекову и всем моим друзьям — ученикам.

Глубокоуважающий и любящий Вас Н. Сперанский. 14 июля 1939 г. Москва».

«Глубокоуважаемая Хуршид ханум!

Шлю Вам свой портрет — пусть он напоминает Вам любящего Николая Сперанского, которому Вы помогли глубже понять и оценить искусство Азербайджана!

Будьте здоровы и счастливы. Н. Сперанский. 29 июня 1940 г. Москва».

«...У меня нет слов, чтобы выразить тебе то, что я пережила, получив твоё письмо. Я нашла твою фоточку и все

время держу ее перед собой, т. к. хочу видеть твои чудесные глаза и черты человека-друга, который на таком далеком расстоянии согрел мою измученную усталую душу такими простыми теплыми словами. Если бы ты знала, как я хочу тебя видеть, особенно после твоего письма, такого тяжелого, над которым я все время плачу, т. к. перечитываю его много раз, ведь если бы ты знала, как я одинока! Я тебе сейчас опишу немного мою жизнь. Левочка скончался в течение четырех дней, на концерте в Большом зале консерватории был собачий холод, это было 10 января, он приехал домой совершенно больной и 11 его свезли в Кремлевскую больницу с крупозным воспалением легких, а в ночь с 15 на 16-е его не стало, и я осталась одна. Я с Левой потеряла все, и хотя моя натура очень «жизнеупорная», но все-таки иногда я изнемогаю от всего того, что приходится переживать. Пиши мне о себе, как живешь, что делаешь, ты со своей энергией, конечно, не утомилась? Еще раз тебя целую и прошу писать, а будем живы — здоровы, в ноябре увидимся...»

Из письма народной артистки СССР Леониды Гавриловны Штейнберг — жены народного артиста СССР, дирижера Льва Петровича Штейнберга.

11 марта 1948 г. Москва».

«С глубоким уважением вспоминаю деятельную Хуршид ханум, которая много приложила энергии и труда для развития азербайджанской музыки. Ее высокая культура и понимание задачи развития азербайджанской советской музыки всегда привлекали мое внимание».

Так писал народный артист СССР композитор Арам Хачатурян. С 1940 по 1950 гг. Хуршид ханум заведовала отделом ис-

кусства Центрального Дома пионеров, была директором Республиканского Дома художественного воспитания детей и художественным руководителем Дома культуры Боно. Весь свой опыт и знания она отдавала делу воспитания подрастающего поколения, развивая в детях любовь к искусству. Узнав о смерти подруги, Валерия Барсова писала супругу Хуршид ханум:

«Дорогой Николай Николаевич!

Всем сердцем разделяю Вашу горе, расстроена кончиной моей подружки, какой всегда считала милою мне Хуршид. Все мои встречи с ней незабываемы, так как они были в дни нашей юности, полный жизнерадостным отношением к жизни, полной любви к искусству. Сколько шума и суеты мы внесли в Вашу жизнь своим ребячеством, шалостями! Мои гастроли в Баку, мое пребывание у Вас было всегда для меня праздником! Неумная труженица в искусстве, жизнерадостная по натуре, Хуршид была «искателем жемчуга» и в жизни и на сцене, неся людям только хорошее, идя навстречу каждому, кто нуждался в ее помощи, особенно молодежи, к которой она относилась с искренней добротой и дружбой. Конечно, мы с Вами знаем Хуршид не только деятелем искусства, но и человеком большого сердца, живого яркого ума, а главное — с любовью к людям, ко всему красивому в жизни, прекрасного товарища-друга.

В. Барсова». Действительно, каждый, кто имел возможность общаться с Хуршид ханум Каджар, навсегда запомнил ее неиссякаемый оптимизм, ее неистребимое жизненное, ее бурный темперамент, ее восторженное отношение к любому искусству.

Эльдар ЗЕЙНАЛОВ.